
УДК 81'373.612.2

ББК 81.03

X 29

Хачмафова З.Р.

Доктор филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: zaineta@nextmail.ru

Дерюгина Е.В.

Ассистент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, e-mail: h2so43@yandex.ru

Синергетические особенности моделирования фаунистической лексики в русской лингвокультуре *(Рецензирована)*

Аннотация:

Исследуется проблема переносного употребления наименований животных в русском языке в русле складывающейся синергетической парадигмы научного знания. Анализируются метафорические модели «животное→человек», «животное→болезнь», «животное→орудия труда», «животное→животное». Определены значимые для русской лингвокультуры зооморфные номинации, выступающие в качестве регулярных сфер-источников. Образование сфер-мишеней объясняется особенностью метафорического процесса, обусловленного возможностью создания новых номинаций на базе имеющегося переосмысленного наименования.

Ключевые слова:

Фаунистическая лексика, синергетика, зооморфная номинация, метафорическая модель, сфера-источник, сфера-мишень.

Khachmafova Z.R.

Doctor of Philology, Associate Professor of German Philology Department, Adyghe State University, e-mail: zaineta@nextmail.ru

Deryugina E.V.

Lecturer Assistant of Russian Language and General Linguistics Department, Kh.M. Berbekov Kabardian- Balkarian State University, e-mail: h2so43@yandex.ru

Synergetic features of the faunistic lexicon modeling in the Russian lingual culture

Abstract:

A metaphorical use of names of animals in Russian is investigated in line with a developing synergetic paradigm of scientific knowledge. An analysis is made of the metaphorical models of “animal→a human being”, “animal→illness”, “animal→tool”, “animal→animal”. The authors define zoomorphic nominations significant for the Russian lingual culture acting as the regular spheres sources. Formation of spheres targets is explained by specific feature of the metaphorical process caused by a possibility of creation of the new nominations on the basis of the available rethought name.

Keywords:

Faunistic lexicon, synergetics, zoomorphic nomination, metaphorical model, sphere source, sphere target.

Мир фауны как объект окружающей действительности вызывает всевозрастающий исследовательский интерес в разных областях научного знания, будучи составной частью глобальной биологической проблемы «человек и живая природа». Фаунистическая лексика связана с важнейшими аспектами лингвистики и, прежде всего, с теорией номинации. Исходя из активного творческого характера процесса познания как общественно-исторического акта, направленного на отражение объективной действительности в сознании человека, фаунистическая лексическая подсистема может быть определена как «самобытно выделяющаяся область лексики, основанная на общественных реалиях (названиях животных) окружающего мира» [1: 9]. Фауна (от лат. *fauna* - богиня лесов и полей - покровительница животных в римской мифологии) – исторически сложившаяся совокупность видов животных, обитающих на определенной территории [2]. При этом фаунистическая лексика отличается древностью и богатством, многообразием и самобытностью входящих в ее состав наименований видов животных, или зооморфных номинаций.

В данной статье предпринята попытка исследования особенностей метафорического моделирования фаунистической лексики сквозь призму синергетики.

В целях конкретизации термина *синергетика*, отметим, что последняя представляет сложную трансдисциплинарную науку, нацеленную на изучение возникновения, функционирования и развития сложных языковых систем, в основе которых лежит взаимодействие тела, мышления и социокультурной среды в различных пространственно-временных масштабах. Теоретическую основу синергетического подхода составляет система принципов, которые дают общее представление о язы-

ковой действительности. В них интегрированы традиционные идеи исторической, структурной, прагматической и когнитивной парадигм языкознания (системность языка, его изменчивость, изоморфность, коммуникативная функциональность, когнитивная природа и др.), которые, однако, получают либо частично иную интерпретацию путем внесения уточнений и смещения акцентов, либо развитие [3]. В монографии «Лингвосинергетика» И.А. Герман убедительно доказала факт «влияния вторичных значений на первичный смысл номинации» [4: 8], что тем самым раскрывает сущность метафорического процесса как детерминанта лингвосинергетической системы в целом.

В данной связи следует подчеркнуть, что метафоры в русской лингвокультуре часто взаимосвязаны и дополняют друг друга, образуя сложные связанные системы метафорических моделей, рассматриваемые в научной литературе как существующие в сознании носителей языка понятийные сферы, при которых система концептов одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования другой сферы (сферы-мишени) [5]. Отметим способность метафоры выступать одновременно как «механизм познания и концептуализации действительности, так и способом наиболее емкой номинации различных фрагментов окружающего мира» [6: 112]. Следовательно, мы можем определить модель метафоры как механизм порождения совершенно новых языковых объектов как сфер-мишеней с учетом сохранения эмотивного потенциала номинаций из сферы-источника.

Для наших рассуждений существенно, что метафорическая модель – это способ вторичной косвенной номинации, при которой происходит «неполное удвоение денотата» [7], где от исхо-

дного понятия (сферы-источника) отделяется какой-либо признак или несколько признаков, служащих для характеристики нового объекта (сфер-мишеней). Так, человек, названный медведем, продолжает оставаться человеком (модель «животное→человек»), подводная лодка, получившая название «акула», остается лодкой (модель «животное→боевая техника»), болезнь, обозначенная в народе «грудной жабой», также остается болезнью (модель «животное→болезнь»). Значит, описывая ту или иную модель метафоры, мы не столько указываем на предмет речи, сколько, прежде всего, характеризуем его.

Следует отметить, что метафорическая модель «животное→человек» является наиболее продуктивной в русской лингвокультуре. В толковых словарях обнаруживается более ста единиц, предполагающих уподобление человека животному. В переносных антропоцентрических значениях функционируют такие номинации, как *акула, бегемот, блоха, божья боровка, ворона, вошь, гад, гадюка, гиена, глиста, гнида, голубь, голубка, гусь, жаворонок, животное, жук, заяц, зверь, зверье, змея, змееныш, индюк, ишак, ищейка, кабан, каракатица, клоп, коза, козел, корова, бык, теленок, телка, телок, кот, крокодил, крыса, кукушка, наседка, петух, цыпленок, лебедь, лев, лошадь, жеребец, кобыла, медведь, морж, обезьяна, агнец, баран, ягненок, орел, осел, ослица, павлин, пава, паук, попугай, рыба, свинья, поросенок, слон, собака, пес, кобель, щенок, сова, сокол, сорока, стервятник, стрекоза, тварь, тюлень, удав, хамелеон, хищник, хомьяк, цапля, червь, червяк, черепаха, шакал, ястреб* и т.д.

В целом для современной русской лингвокультуры характерна ситуация, в которой практически каждая зооморфная номинация, выступающая как сфера-источник, образует одновременно несколько метафорических моделей со сферой-мишенью «человек». Например,

сфера-источник «свинья» образует три такие модели, так как в каждом конкретном случае формируется новое знание о свинье, как о человеке: 1) нечистоплотном; 2) непорядочном; 3) пьяном. В этой связи, можно предположить, что количество сфер-мишеней «животное→человек» превышает число представителей животного мира, знакомых русскому этносу.

Рассматривая еще одну метафорическую модель «животное→болезнь», отметим, что в большинстве случаев фаунистические названия болезней *рак, жаба* (стенокардия) приобретают зооморфные черты. Обратимся к словарным толкованиям:

Грудная жаба (стенокардия) – заболевание, характеризующееся болезненным ощущением или чувством дискомфорта за грудиной [8].

Бык – прострел, люмбаго. При этой болезни у человека развивается неподвижность мышц головы и спины, и он вынужден оборачиваться всем телом, как это делает бык [9].

Рак. Название этой болезни связывается с раком зоологическим. Существует точка зрения, что название болезни дал Гиппократ на основании схожести корки, покрывавшей опухоль груди у обратившейся к нему больной, на панцирь рака. Болезнь трудно излечима. Однако, на наш взгляд, это не научный термин, а лишь условное обозначение злокачественных опухолей, названных по аналогии с разрастаниями, напоминающими клешни рака. При разрезе некоторые опухоли имеют вид рыбьего мяса.

Действительно, обращаясь к фольклорной традиции славян, обнаруживаем, что болезни человека происходят оттого, что в его тело проникли маленькие животные (онтологические взгляды), и это легло в основу названий многих болезней [9].

Существование тесных эмоционально-когнитивных и аксиологических связей русского народа с животным миром явилось результатом актуализации своих характерных мотивировочных при-

знаков и оценок, способствовавших появлению различного рода сравнений и метафор, связанных, в первую очередь, с орудиями труда как средствами выживания.

К метафорической модели «животное→орудия труда» мы относим профессионализмы – наименования орудий труда, их частей, трудовых процессов, названных по ассоциации с определенными животными, типа: *козел* – застывший металл, *коза* – вагонетка, *кошка* – приспособление для лазания, *гусеница* (трактора), *журавль* (колодца). Экзотичность вышеперечисленных обозначений, незнание соответствующих им реалий вызывает мгновенную ассоциацию с источником наименования, и это может быть воспринято как свойственное метафоре удвоение денотата.

Особенностью данной модели является также и способность одних и тех же зооморфных номинаций употребляться в качестве сфер-источников сразу для нескольких орудий труда, выступающих как сферы-мишени:

Баран – отрезок колоды, которым забивается клин во время выжимания масла на маслобойне; толстый брус, поддерживающий потолок в разных постройках [10].

Бык – строительный контрфорс, устой, рубка или каменная прикладка с откосом для укрепления здания; массивная промежуточная опора моста или гидротехнических сооружений [10].

Волк – жернов в мастерской, размельчающий камень; снаряд для разбивки шерсти [10].

Кошка – обувь с острыми шипами для лазания на столбы; род вилки - инструмент для вытаскивания за шляпку гвоздей [10].

Кобыла – подставка мотовила; плот, передняя часть которого имеет форму острого угла, применяемый для разбивки льда, чтобы дать проезд судам; подвижная часть станка для кручения каната [10].

Медведь – кустарно сделанная тяжелая молотилка, представляющая собой деревянный вал с зубьями [10].

Перенос наименования осуществляется на основании внешнего сходства с определенным животным или с учетом производимых им действий, образа жизни и т.д.

Однако зооморфные характеристики в языке могут быть направлены не только на сферы-мишени «растение», «орудия труда», «болезнь», но и собственно на других представителей животного мира. Перечислим некоторые сферы-источники метафорической модели «животное→животное»:

Бык – упряжной олений самец, легченый (нелегченый) порос; медведь-самец [10];

Водяной бык – птица выпь (*ardea stellaris*) [10];

Волк – пчелиный шершень, наносящий укусы [10];

Морской волк – хищная рыба (*xiphias gladius*) [10];

Водяная лошадь или *водный конь*, неуклюжее животное гиппопотам [10];

Конь морской – род тюленя с гривою (*phoca jubata*) [10];

Морская свинья – дельфин (*delphinus phocaena*), живородное животное с дыхалами [11];

Морская кошка – черноморская рыба (*trygon pastinaca*) [10].

Приведенные примеры из «Словаря русских народных говоров», позволяют выявить регулярные сферы-источники (*бык, волк, конь, лошадь*) для модели «животное→животное». При этом сферами-мишенями, образованными от указанных сфер-источников выступают преимущественно рыбы, насекомые, птицы, что связано изначально с особенностями русской концептуальной картины мира и отражено в языке посредством метафоризации, в основе которой лежит представление о частичном внешнем сходстве перечисленных животных с рыбами, насекомыми, птицами, взаимодействующими свои названия по аналогии.

Следует также отметить, что в настоящее время процесс метафоризации

типа «животное→животное» обусловлен усложненным, сдвоенным семантическим преобразованием: закрепившись в языке как характеристика человека – носителя тех или иных качеств (*лиса–хитрый, заяц – трусливый* и т.п.), такая метафора употребляется при известном антропоморфизме, когда животному приписываются человеческие качества. Так, список наших примеров мог быть дополнен метафорами, вполне допустимыми в речи: *орел (о коне), лиса (о кошке)* и т.п. Однако в современном русском языке подобные модели не имеют регулярного характера и тенденции к узуальности.

Подводя итог сказанному, отметим тот факт, что в целом фаунистическая лексика как совокупность моделируемых в

терминах синергетики зооморфных номинаций представляет собой достаточно информативную открытую динамичную систему для изучения процессов и закономерностей этимологии, номинации, словообразования и т.д.

Проведенный анализ фактического материала позволяет констатировать, что именование той или иной сферы-мишени не может быть совершенно случайным. Метафорический перенос большей частью осуществляется на основе сходства с тем или иным явлением, предметом, самим человеком, так как, называя предметы или их признаки, качества, каждый из нас стремится закрепить в сознании все то, что имеет значение для существования и ориентации в окружающем мире.

Примечания:

1. Арименова Р.С. История изучения названий млекопитающих (на материале монгольских и русского языков) // Молодой ученый. Казань. - 2011. Т. 2, № 5. С. 9-12.
2. Большой энциклопедический словарь [электронный ресурс]. URL: <http://www.slovopedia.com>
3. Бронник Л.В. Динамическая сложность концепта в дискурсе: когнитивно-синергетический подход: монография. Краснодар, 2010. 252 с.
4. Герман И.А. Лингвосинергетика. Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. 168 с.
5. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 189 с.
6. Ефремов А.А., Баранова А.Ю. Динамика метафорического терминотворчества в рамках основных тематических групп английской терминологии нефтегазовой отрасли // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 3. С. 112-116.
7. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с.
8. Свободная энциклопедия. URL: ru.wikipedia.org.
9. ВФ СННТ – Восточно-славянский фольклор: словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. 478 с.
10. Филин Ф.П., Сорокалетов Ф.П. Словарь русских народных говоров. URL: vocabulary/srng/srng.html (дата обращения 29.11.2010)

References:

1. Arimenova R.S. History of the study of mammals' names (based on the Mongolian and Russian languages) // A young scientist. Kazan. 2011. V. 2, No. 5. P. 9-12.
2. Big encyclopedic dictionary [electronic resource]. URL: <http://www.slovopedia.com>
3. Bronnik L.V. Dynamic complexity of a concept in discourse: cognitive and synergetic

-
- approach: a monograph. Krasnodar, 2010. 252 pp.
4. German I.A. Linguistic synergetics. Barnaul: Publishing house of the Altai Economy and Law Academy, 2000. 168 pp.
 5. Chudinov A.P. Metaphorical mosaic in modern political communication. Yekaterinburg, 2003. 189 pp.
 6. Efremov A.A., Baranova A.Yu. Dynamics of metaphorical creation of terms within main subject groups of the English terminology of oil and gas branch // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Issue 3. P. 112-116.
 7. Sklyarevskaya G.N. Metaphor in the language system. SPb.: Nauka, 1993. 150 pp.
 8. Free encyclopedia. URL: ru.wikipedia.org.
 9. VF SNNT – The East Slavic folklore: dictionary of scientific and folk terminology. Minsk, 1993. 478 pp.
 10. Filin F.P., Sorokaletov F.P. Dictionary of the Russian folk dialects. URL: vocabulary/srng/srng.html (the address date 29.11.2010).